

Copyright © 2018 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
2018, 9(2): 61-67

DOI: 10.13187/er.2018.2.61
www.erjournal.ru

Articles and Statements

Modern Foreign Historiography of the Kazakh Tragedy of 1932–1933

Bakhytgul K. Alzhapparova ^{a, *}

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article explores the writings of foreign historians, who studied the factors of the Kazakhstan tragedy of 1932-1933. Covered the structure and content of the research. Investigates the controversial questions of the history of collectivization in Kazakhstan, as reflected in a number of major monographic studies. Defended the thesis that despite the fact that these scholars hold different, sometimes diametrically opposite conceptual approaches, their research describes a representative source base, the solidity and thoroughness of coverage of this issue.

Keywords: collectivization, migration, foreign historiography, nomadism, region, regional history.

1. Введение

Политика сталинского режима, проводившаяся в Центральном Казахстане на рубеже 1920–1930-х гг. и направленная на форсированную индустриализацию и коллективизацию, привела к тяжелым последствиям: пауперизации казахского народа, росту откочетов, социально-демографическим последствиям, которые до сих пор не поддаются точному статистическому измерению. Масштабность казахстанской трагедии побудила отечественных и зарубежных ученых к глубинному исследованию этого вопроса, к написанию монографий, в которых на базе новых рассекреченных документов была воссоздана аграрная история 1920 – начала 1930-х гг.

Актуальность изучения данной проблематики продиктована и современными мировыми реалиями. Как свидетельствует исторический опыт многих стран, попытки насильственной модернизации (особенно в сфере экономики) приводят часто к непредсказуемым результатам. Стремление привнести извне чуждую им модель развития, не учитывая социально-экономической специфики страны, вызывают непредвиденные результаты. Примером тому являются социально-экономические процессы, развернувшиеся в развивающихся странах, являвшихся, по сути, традиционными обществами, в 50-70-е гг. XX века. Издержки реальной модернизации проявили себя в обнищании и деклассировании крестьянства, в разрушении ещё не изживших себя форм хозяйствования (Старостин: 53).

По данным международной организации Юнисеф: более 1 млрд. людей на Земле постоянно голодают, от голода и недоедания ежегодно умирают от 13 до 18 млн. людей.

* Corresponding author

E-mail addresses: alzhapparova2015@mail.ru (B.K. Alzhapparova)

Каждые 24 часа – 35 тыс. человек умирают в результате прямого или косвенного влияния недоедания и голода; 24 человека – ежеминутно, причем 18 из них – дети до 5 лет (Голод: бедствие..., 1990: 21). Особенно актуальна эта проблема для бедных стран, для стран, освободившихся от колониальной зависимости в эпоху новейшего времени. Периодически нехватка продовольствия приобретала драматический характер в Эфиопии, Сомали, Судане, Анголе, Руанде, Заире, Сьерра-Леоне.

Все эти факторы обуславливают актуальность этой тематики на современном этапе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили труды зарубежных ученых, освещавших аграрную историю Казахстана в 1920-1930-е гг. Следует отметить, что зарубежная историография этой проблематики представлена исследованиями ряда ученых. Среди них самыми крупными являются исследования И. Огайон, Р. Киндлера, Н. Пианчолы. Ряд западных ученых изучали историю коллективизации в Казахстане в контексте коллективизации в СССР. Несмотря на то, что эти ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концептуальных подходов, их объединяет репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса.

Методология – это принципы, логические формы, структура и техника исследований, способствующие исследованию сути предмета и интерпретации фактических данных. В более широком смысле – это «теоретическое выражение практики конкретного точного исследования и средство поиска на частные исторические вопросы» (Ковальченко, 1987: 23).

Методологической и теоретической основой исследования выступили общенаучные принципы, прежде всего, принцип историзма. Были использованы историко-сопоставительный и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Монография современного западного историка Роберта Киндлера «Сталинские номады. Власть и голод в Казахстане» посвящена феномену насилия в реализации сталинской политики на территории Казахстана. В этой монографии прослеживается аграрная история Казахстана в 1920-1930-е гг., исследуется специфика управленческих отношений между Центром и местными государственными структурами, освещается диктат административных органов как на правительственном, так и на местном уровнях. Основная идея монографии заключается в том, что политика коллективизации, проводившаяся в Казахстане, усугублялась отсутствием строительных материалов, сельскохозяйственных орудий, нехваткой профессиональных геодезистов, инженеров, агрономов. Несмотря на эти трудности, от местных чиновников требовали строжайшего выполнения плана по коллективизации (Kindler, Robert, 2014).

Коллективизация, по мнению Киндлера, была частью сталинской культурной революции и была направлена на то, чтобы выкачать ресурсы из сельского хозяйства и сделать сельское население зависимым от государственного производства и распределения продукции. Историк считает, что коллективизация стала трагедией для крестьянства и катастрофой для кочевников, так как, потеряв скот, кочевники не имели экономических и культурных средств к существованию, не могли вести кочевой образ жизни.

Голод на территории Казахстана R.Kindler изучает в контексте голода на территории СССР. По мнению историка, в 1932-1933 гг. голод произошел на большей части территории СССР, однако эпицентр голода находился на территории Украины, Поволжья, Северного Кавказа и в Казахстане. Историк приводит статистические цифры по демографическим последствиям голода: на территории СССР в эти годы погибли от 5,5 млн. до 6,5 млн. людей, из них 3,5 млн. погибли на территории Украины. Однако ни один регион, считает Kindler, не пострадал так сильно как Казахстан. Был практически полностью уничтожен экономический базис республики. От голода и связанных с ним болезней в Казахстане погибли более 1,5 млн. человек, примерно одна треть казахского народа или четверть от общей численности населения на территории Казахстана (Kindler, Robert, 2014: 347).

Необходимо также отметить статью современного западного историка Niccolò Pianciola «Голод в Казахстане в годы коллективизации, 1931-1933». В этой статье автор, ссылаясь на архивные документы и исследования западных историков R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft, D.G. Dalrymple, I. Ohayon, исследовал аграрную и политическую историю Казахстана 1920-х – 1930-х гг.: новую экономическую политику, хлебозаготовительную кампанию 1928 г., кампанию по конфискации скота и имущества у «баев-полуфеодалов», историю заготовительных кампаний 1930 и 1931 гг.

Голод на территории Казахстана историк изучает в контексте голода на территории СССР. Применяя опубликованные архивные документы, Niccolò Pianciola отстаивал тезис, что даже в 1923 и 1924 гг., в условиях новой экономической политики, большая часть территории СССР, включая Украину, Волгу, Сибирь и северо-западный Казахстан, была охвачена голодом. На территории Казахстана голод 1924 г. особенно свирепствовал в районах Актюбинской и Кустанайской губерний (Pianciola, 2001: 242).

Применяя методы экономической истории, ученый воссоздал историю оседания и коллективизации в Казахстане, последствия этой политики, выразившиеся в откочевках и голоде. Ссылаясь на документы Государственного архива РФ и исследования И. Огайон, Pianciola приводит цифровые данные по откочевкам. Так, по утверждению Niccolò Pianciola 286 тыс. семей покинули территорию Казахстана в 1930-1931 гг., 78 тыс. семей откочевали в 1932 г, 31 тыс. семей – в 1933 г. Население откочевывало в пограничные регионы: Китай, Сибирь, Центральную Азию и Урал; 200 тыс. казахов откочевали на территорию Китая (Pianciola, 2001: 242).

В своих исследованиях Пианчола подчеркивает, что основным фактором казахстанской трагедии, стала политика хлебозаготовительных кампаний, проводившаяся даже в пастушеских районах. Ссылаясь на Стенограмму Совещания ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам, приведенную в сборнике документов В.П. Данилова «Трагедия советской деревни», историк утверждает, что «нормы по хлебозаготовкам для казахских пастухов были так же высоки, как и для хлеборобов Поволжья» (Пианчола, 2015: 109). Высокие нормы хлебозаготовок, по мнению Пианчола, объяснялись тем, что Казахстан рассматривался в качестве основного полюса производства хлеба, в отличие, например, от Киргизии – территории, где жили кочевники, которых также переводили к оседлости. (Пианчола, 2015: 110). Борьба за хлеб, за экспорт хлеба, по мнению Пианчола, была для Сталина и его сподвижников борьбой за само выживание режима.

Необходимо констатировать, что западные историки, исследующие голод на территории Казахстана, не применяют категорию «геноцид». Как пишет Николо Пианчола, в гуманитарных науках геноцид определяют как политику, «направленную на полное уничтожение группы людей, по признакам, определяемым исполнителями» (Пианчола, 2015: 115). Историк считает, что намерением советского правительства не было убийство «наибольшего возможного числа украинцев или казахов, как относящихся к той или иной национальности». Пианчола отстаивает тезис, что сталинский режим использовал голод не для уничтожения социальной или национальной группы населения, а с целью «политического подчинения сельского населения и получения полного контроля над его ресурсами» (Пианчола, 2015: 115).

Примерно этой же теории придерживаются и другие историки. Например, Р. Конквест выдвигает гипотезу об искусственном характере голода в Казахстане, но не поддерживает версию о преднамеренном характере голода, о запланированном геноциде. Для убедительности необходимо привести выдержку из его монографии: «Голод, в Казахстане в эти годы носил искусственный характер, как и в 1921 году, то есть он возник в результате безрассудного проведения политики, продиктованной чисто идеологическими соображениями. Но, в отличие от голода на Украине, голод в Казахстане не был организован преднамеренно» (Конквест, 1989: 194).

Необходимо отметить, что концепция об искусственном голоде появилась в западной литературе во второй половине 1930-х гг. на основании воспоминаний очевидцев событий, на основании свидетельств иностранных журналистов, работавших в СССР в начале 1930-х гг. Тогда же появилась версия, что искусственный голод был организован и осуществлен сталинским руководством с целью подавить украинский национализм. Почвой для этой концепции стали мнения работавших в СССР западных журналистов, наблюдавших голод и

уехавших из страны с твердым убеждением, что голод был спланированным и умышленным (Кондрашин, 2011: 19).

Другую точку зрения отстаивает американский исследователь М. Таугер. По его мнению, голод 1932–1933 гг. не является результатом хлебозаготовок 1932 г. и сознательного акта геноцида, этот голод был, в основном, результатом провала экономической политики «революции сверху» и менее всего результатом «успешной» национальной политики, направленной против народов СССР. Он высказывает точку зрения, что низкий урожай 1932 г., ставший результатом влияния плохих погодных факторов, засухи, сделал голод неизбежным, «и даже полного прекращения продажи зерна за границу было бы недостаточно для того, чтобы предотвратить голод» (Таугер, 1995: 26).

Историк И. Огайон, также как и Р. Конквест, не разделяет версию о преднамеренном характере демографической катастрофы в Казахстане, не поддерживает версию о геноциде казахского народа. В качестве аргумента приводит правовое определение понятия «геноцид», которое ставит на первое место «намерение уничтожить этническую, расовую или религиозную группу» (Огайон, 2007: 332). И. Огайон утверждает, что у сталинского режима не было таких намерений, так как казахи «никогда не представляли националистическую опасность для СССР». В то же время И. Огайон справедливо придерживается тезиса, что человеческие потери, понесенные Казахстаном, ни с чем не сравнимы, так как они достигают 30 процентов населения, что «размах катастрофы казахов сравним только с опытом Украины» (Огайон, 2007: 332).

С. Уиткрофт, Р. Дэвис, изучающие в своей монографии историю коллективизации в СССР, также опровергают теорию геноцида в отношении народов советского пространства. В качестве доказательства историки привели тексты государственно-партийных постановлений о предоставлении продовольственной помощи пострадавшим районам (Уиткрофт, Дэвис, 2011).

Историк А. Грациози, изучавший в одном из своих исследований голод 1932–1933 гг. на Украине, придерживался тезиса, что трагедию в Казахстане, где потери относительно общего количества населения, были еще больше, чем на Украине, следует считать «результатом неудачно проведенного превращения кочевых народов в оседлые и следствием полного равнодушия к судьбе коренного населения» (Грациози, 2001: 14). Голод в Казахстане 1931–1933 годов, считал А. Грациози, явление иной природы, нежели «Голодомор» на Украине и на Кубани, длившийся с конца 1932 до начала 1933 года.

По мнению Ш. Фицпатрик, голод на территории СССР можно объяснить тем, что государство установило слишком большие планы хлебозаготовок (Фицпатрик, 2008: 84).

Михаэль Эльман придерживается иной точки зрения. Историк придерживается тезиса, что крестьянскую политику сталинского режима в регионах СССР в начале 1930-х гг. следует характеризовать не иначе как «преступное убийство людей», так как советское правительство не удосужилось искать помощи за рубежом и не позволило крестьянам бежать в менее пострадавшие районы. Было ли это совершенно преднамеренно или непреднамеренно, зависит от того, как понимать правовой термин «намерение». Эльман пишет, что «командное поведение Сталина в 1930–1934 гг. ясно конституирует преступление против человечности,согласно данному ему определению в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г., ст. 7». В этой связи Эльман задается вопросом, можно ли это квалифицировать как геноцид? Так или иначе, политику Сталина несомненно следует характеризовать как «культурный геноцид» или «этническую чистку», но ни то, ни другое не входит в Конвенцию ООН по геноциду (Кип, Литвин, 2009: 168).

Таким образом, при обсуждении теории геноцида историки освещают и правовые аспекты, и этот вопрос до сих пор является дискуссионным как в отечественной так и зарубежной историографии.

Этот вопрос стал предметом исследования и российских историков, изучавших голод на территории СССР. Исследователи Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, раскрывают причины голода в Советском Союзе в годы первой пятилетки и акцентируют внимание на организационных, управленческих, политических и даже личностных факторах – общая неразбериха, плохая организация, чрезмерные государственные поставки, стремление устрашить, или наказать крестьянство. По их мнению, производственно – экономические обстоятельства не могли повлиять на возникновение голода, так как голод 1930-х гг. есть

порождение не столько социально-экономического, сколько политического развития (Гордон, Клопов, 1989: 167).

По мнению Кондрашина В., голод 1932-1933 гг. на территории СССР стал результатом антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебозаготовок, проводившейся сталинским руководством ради решения задачи форсированной индустриализации страны. В.В. Кондрашин утверждает, что голод 1932-1933 гг. можно определить как «организованный голод». «Он был организован сталинским режимом в результате насильственной коллективизации, разрушившей сельскохозяйственное производство, а также с помощью принудительного вывоза хлеба из деревни в счет государственных заготовок и подавления крестьянского сопротивления. Все эти действия осознанно принимало сталинское руководство» (Кондрашин, Пеннер, 2002: 251). Кондрашин В.В. также считает, что эта ситуация усугубилась политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян во время голода, отказом от международной помощи. Прямой организацией голода, по мнению историка, стали драконовские директивы Сталина — Молотова о борьбе со стихийной миграцией крестьян, запиравших их в деревнях и обрекавших на голодную смерть (Кондрашин, Пеннер, 2002: 252).

Кондрашин В. также утверждает, что «голод 1932-1933 гг. — это не национальный, а интернациональный, советский голод, от которого пострадало все население Советского Союза, и степень этих страданий определялась не национальной принадлежностью, а местом проживания». Самыми пострадавшими районами стали сельскохозяйственные районы СССР, где в начале 1930-х гг. проводилась сплошная коллективизация и хлебозаготовительные кампании по принципу продрозверстки (Кондрашин, Пеннер, 2002: 254).

Историк придерживается версии, что у теории геноцида нет оснований, так как не найдены документы, в которых бы говорилось о существовании у сталинского режима этих замыслов. Когда свершались факты геноцида (геноцид армян в 1915 г., холокост, этнические чистки в Руанде), «осуществлявшие его режимы действовали осознанно, т.е. ставили эту цель и реализовывали ее с помощью репрессивных структур государства, получавших соответствующие распоряжения на уровне высшего политического руководства, о чем сохранились соответствующие архивные документы и свидетельства очевидцев» (Кондрашин, Пеннер, 2002: 254).

Процессы, происходившие в Казахстане в годы коллективизации, показали, что голод так же, как и откочевки стал результатом стремительного крушения традиционной структуры казахского общества. Заготовительные кампании, радикальные аграрные преобразования привели к непомерному упадку сельского хозяйства и разрушению традиционного хозяйства, разумной альтернативы которому на территории Казахстана тогда еще не существовало.

4. Заключение

Таким образом, аграрная история Казахстана 1920-х-1930-х гг. нашла отражение в ряде монографических исследований зарубежных историков, применявших различные методологические концепции, придерживавшихся различных теорий, исследовавших эту проблему в рамках тоталитарного и ревизионистского направлений западной историографии.

Литература

Голод: бедствие..., 1990 — Голод: бедствие, вызванное деятельностью человека? Доклад независимой гуманитарной комиссии. М.: Международные отношения, 1990. 159 с.

Гордон, Клопов, 1989 — Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М.: Политиздат, 1989. 319 с.

Грациози, 2001 — Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 — 1933. М., Росспэн, 2001. 193 с.

Кип, Литвин, 2009 — Кип Дж. «Коба грозный»: репрессии и террор. // Дж. Кип, А. Литвин. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., РОССПЭН, 2009. С. 139–178.

Ковальченко, 1987 — Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 286 с.

Кондрашин, 2011 – *Кондрашин В.* Голод 1932-1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М., Росспэн, 2011. С. 8-54. 471 с.

Кондрашин, Пеннер, 2002 – *Кондрашин В., Пеннер Д.* Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Пенза, 2002. 272 с.

Конквест, 1989 – *Конквест Р.* Жартва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир, 1989. № 10. С. 179-200.

Огайон, 2007 – *Огайон И.* Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928-1945 гг.), Алматы, 2007. 362 с.

Пианчола, 2015 – *Пианчола Н.* Европейская и американская историография о великом голоде в Казахстане // Отан тарихы, 2015. № 2. С. 100-126.

Старостин, 1995 – *Старостин В.* Проблема модернизации: история и современность. Модернизация и национальная культура. М.: "Апрель – 85", 1995. С. 8-21.

Таугер, 1995 – *Таугер М.Б.* Урожай 1932 г. и голод 1933 года. Голод 1932-1933 гг. М., 1995. С. 13-42.

Уиткрофт, Дэвис, 2011 – *Уиткрофт С., Дэвис Р.* Годы голода: сельское хозяйство СССР. 1931-1933. М.: Росспэн, 2011. 245 с.

Фицпатрик, 2008 – *Фицпатрик III.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М.: Росспэн, 2008. 196 с.

Kindler, Robert, 2014 – *Kindler, Robert.* Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg, 2014. 331 p.

Pianciola, 2001 – *Pianciola N.* The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–1933. // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 25, No. 3/4 (Fall 2001), pp. 237-251. URL: <http://www.jstor.org/stable/41036834>

References

Golod: bedstvie..., 1990 – *Golod: bedstvie, vyzvanное deyatel'nost'yu cheloveka?* [Hunger: a disaster caused by human activities?]. Doklad nezavisimoi gumanitarnoi komissii. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 159 p.

Gordon, Klopov, 1989 – *Gordon L.A., Klopov E.V.* (1989). Chto eto bylo? [What was it?]. М.: Politizdat, 319 p.

Gratsiozi, 2001 – *Gratsiozi A.* (2001). Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917 – 1933. [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917 – 1933]. М., Rosspen, 193 p.

Kip, Litvin, 2009 – *Kip Dzh.* (2009). «Koba groznyi»: repressii i terror. ["Koba formidable": repression and terror]. Dzh. Kip, A. Litvin. Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya. М., ROSSPEN, pp. 139–178.

Koval'chenko, 1987 – *Koval'chenko I.D.* (1987). Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. М.: Nauka, 286 p.

Kondrashin, 2011 – *Kondrashin V.* (2011). Golod 1932-1933 gg. v sovremennoi rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii: vzglyad iz Rossii [The hunger of 1932-1933 in modern Russian and foreign historiography: a view from Russia]. Sovremennaya rossiisko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932-1933 gg. v SSSR. М., Rosspen, pp. 8-54. 471 p.

Kondrashin, Penner, 2002 – *Kondrashin V., Penner D.* (2002). Golod: 1932-1933 gody v sovetskoй derevne (na materialakh Povolzh'ya, Dona i Kubani) [Hunger: 1932-1933 in the Soviet village (on the materials of the Volga region, the Don and the Kuban)]. Penza, 272 p.

Konkvest, 1989 – *Konkvest R.* (1989). Zhartva skorbi. Sovetskaya kollektivizatsiya i terror golodom [Zhartva sorrow. Soviet collectivization and terror by famine]. Novyi mir, № 10. pp. 179-200.

Ogaion, 2007 – *Ogaion I.* (2007). Sedentarizatsiya kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiya i sotsial'nye izmeneniya. (1928-1945 gg.) [Sedentarization of the Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and social change. (1928-1945)]. Almaty, 362 p.

Pianchola, 2015 – *Pianchola N.* (2015). Evropeiskaya i amerikanskaya istoriografiya o velikom golode v Kazakhstane [European and American historiography about the great famine in Kazakhstan]. Otan tarikhy, № 2. pp. 100-126.

Starostin, 1995 – *Starostin V.* (1995). Problema modernizatsii: istoriya i sovremennost'. Modernizatsiya i natsional'naya kul'tura [The problem of modernization: history and modernity. Modernization and national culture]. M.: "Aprél' – 85", pp. 8-21.

Tauger, 1995 – *Tauger M.B.* (1995). Urozhai 1932 g. i golod 1933 goda. Golod 1932-1933 gg. [The harvest of 1932 and the famine of 1933. The famine of 1932-1933.]. M., pp. 13-42.

Uitkroft, Devis, 2011 – *Uitkroft S., Devis R.* (2011). Gody goloda: sel'skoe khozyaistvo SSSR. 1931-1933. [Years of Hunger: Agriculture of the USSR]. M.: Rosspen, 245 p.

Fitspatrik, 2008 – *Fitspatrik S.* (2008). Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gg. [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: a village]: derevnya. M.: Rosspen, 196 p.

Kindler, Robert, 2014 – *Kindler, Robert.* Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg, 2014. 331 p.

Pianciola, 2001 – *Pianciola N.* The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–1933. // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 25, No. 3/4 (Fall 2001), pp. 237-251. URL: <http://www.jstor.org/stable/41036834>

Современная зарубежная историография казахстанской трагедии 1932–1933 гг.

Б.К. Альжаппарова ^{а, *}

^а Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Аннотация. В этой статье исследуются труды зарубежных историков, изучавших факторы казахстанской трагедии 1932-1933 гг. Освещается структура и содержание этих научных исследований. Исследуются дискуссионные вопросы коллективизации в Казахстане, нашедшие отражение в ряде крупных монографических исследований. Отстаивается тезис, что несмотря на то, что эти ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концептуальных подходов, их исследования характеризует репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса.

Ключевые слова: казахстанская трагедия, миграции, откочевки, зарубежная историография, номадизм, регион, региональная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alzapparova2015@mail.ru (Б.К. Альжаппарова)